

Юрий РОГОЗА

МУЗЫКА
ДЛЯ БОГАТЫХ

Харьков
«Фолио»
2014

Ни за что не поверю,
что Бог бездумно бросает кости...

Альберт Эйнштейн

«Я верю в чудеса, — думал продрогший Никита. — Да и как не верить, если их вокруг — полным-полно? В этом мире немых машин и людей с перекошенными от злобы лицами чудеса происходят постоянно. На каждом шагу. А что толку? От них не легче и не радостней. Наверное, все дело в том, что Бог совершает их, не когда мы просим, а когда считает нужным. На свое усмотрение...»

...В три с половиной года он боялся оставаться в доме один. Боялся гулкой тишины, боялся китайца, вышитого на тонком настенном коврикe, скрипа старых дощатых половиц... Однажды он проснулся раньше, чем обычно (бабушка вышла к соседке, собираясь вернуться до того, как он проснется), задыхаясь и дрожа от ужаса, выбил игрушкой-калейдоскопом стекло маленького глухого окна и побежал босиком по росистой холодной траве навстречу бабушке, которая как раз подходила к дому. А вечером вернувшиеся с работы папа и мама показывали изумленным соседям разбитое окно — Никита, трехлетний ребенок, конечно же не догадался расшатать и вынуть оставшиеся в раме осколки, и они, острые, как бритва, торчали со всех сторон, похожие на зубы страшной акулы, раскрывшей пасть. А у него на тельце не было ни одной царапины, даже самой маленькой... Чудо!

В шесть лет он вместе с двумя пацанами, своими дворовыми друзьями Лехой и Андреем, залез на старую шелковицу, которая росла в заброшенном соседском палисаде (им запрещали это делать, но они все равно забирались на нее почти каждый день). За ними увязалась Людка, девочка чуть постарше, второклассница в мятом пестром сарафане, Никита ее почти не знал. Когда они взобрались на самый верх, где было еще много маленьких черных ягод, трухлявая ветка не выдержала и треснула...

Леха упал головой вниз и умер сразу, Андрей сломал позвоночник (потом взрослые объяснили, что он уже никогда не будет ходить и разговаривать), а Никита даже не ударился. Только, сидя в высокой траве, с восторженным ужасом наблюдал, как глаза крупно вздрагивающей Людки становятся похожими на стекло, а из ее рта на мятый ситец сарафана выпрыгивают темные сгустки крови...

Через год папа купил путевки в Алушту, и он должен был впервые лететь к морю. Чтобы загореть и окрепнуть перед первым классом. Но сильно простудился, и папа и мама, посоветовавшись, решили оставить его дома, с бабушкой. Их самолет разбился через двадцать минут после взлета, обломки и разорванные тела людей собирали больше месяца...

Вам мало?!.

Старый учитель сольфеджио Борис Анатольевич поговорил с Никитой в школьном коридоре минуты две, не больше, но этого хватило, чтобы он подарил ему, двоечнику музыкальной школы, которого каждые полгода собирались исключить, чудо музыки — наверное, главное чудо в его бестолковой жизни.

«Еще была Настя... — с замиранием сердца подумал Никита. — Целых три недели у меня была Настя... Но об этом я вам

ничего рассказывать не буду, это — не ваше собачье дело, ясно?!. Да и потом, у мира нет таких слов, которыми можно рассказать об этом. Нет и никогда не будет...»

А еще его прокляли. Правда, это было злое чудо, но кто сказал, что чудеса бывают только добрыми? Никиту прокляли на сельском кладбище лунной майской ночью. Это было семь лет назад (ему было тогда 16), но проклятие никуда не делось, он точно знает, он старался убежать от него, проехал десятки городов и стран и сейчас уже понимает, что оно умрет только вместе с ним...

Знаменитый певец Баклан (да-да, тот самый), приехав с концертом в Тверь, мог зайти поужинать в любой ресторан, но ввалился с толпой охранников именно в немного старомодную «Березовую рощу» на улице Советской, причем как раз в тот момент, когда Никита играл на рояле. Уже через десять минут тот, обалдевший от неожиданного счастья и стакана текилы, был назначен клавишником знаменитой группы. Предыдущий, как оказалось, был со скандалом выгнан два часа назад за то, что украл у звезды баночку амфетаминов, из-за чего концерт был на грани срыва и начался с опозданием на час, в течение которого велись лихорадочные поиски контактов с местными торговцами счастьем.

Так он, простой тверской парень, похоронивший бабушку, проклятый сельской колдуньей и не ждущий от жизни ничего хорошего, начал выходить на сцены ревущих от восторга концертных залов и домов культуры, замелькал в дорогущих музыкальных клипах, побывал в Лондоне, Берлине, Хельсинки, Варшаве, научился водить машину и нюхать кокаин...

Что, тоже скажете — не чудо?..

Так что — чудес на свете валом... Но что толку, если они не спасают? Если они, как мыльные пузыри детства, разбиваются об этот немывтый мир, серый, твердый и шершавый, как московский асфальт? А сам мир все время пытается поставить тебя раком. И если ты, неблагодарный, вдруг отказываешься, сначала удивляется, а потом мстит — долго и умело...

«Что мне от того, что вас на свете полно, чудеса? — обозлился Никита. — Все равно мир вокруг состоит из грязи и жестокости, у меня почти не осталось денег, жопа онемела, потому что я сижу на каменном парапете, а сижу я на нем, потому что не могу и не хочу идти в свою убогую комнатку в самом старом и жутком доме Лаврушенского переулка, который почему-то еще никто не купил, чтобы взорвать и построить на его месте автосалон или элитный бордель. Я плачу за нее две с половиной тысячи долларов в месяц, но это не спасает — в ней темно и сыро даже в солнечный день, зеркала трескаются сами по себе, единственное окно смотрит на истертую кирпичную стену, исписанную матами, тараканы похожи на крыс, а в убитом вонючем сортире живет призрак, и в него так страшно входить, что я терплю и стараюсь делать это как можно реже...

Господи, если у Тебя так много чудес, почему Ты не сотворишь одно прямо сейчас, в центре этого безумного города? Или я его не заслужил? Тогда дай мне, что ли, хоть денег на электричку, чтобы я вернулся в свою прошлую жизнь, уютную и ненужную, как старый комод. Дай, а?.. А то ведь первое, о чем я Тебя спрошу, когда умру, будет: «А где Ты был тогда, когда я сидел на заплыванном парапете около метро, и хотел жрать до крика, и от пронизывающего холода не чувствовал собственной задницы, и умолял Тебя...»

— Никита́, ты, что ли? Ну, дела!.. — раздалось вдруг над самым ухом.

Так, с ударением на последний слог, к нему обращались только ребята в школе. В Твери. В том уютном мирке, который сейчас казался счастливым сном.

Никита, вздрогнув, поднял глаза. Его одноклассник Игорь Микерин был не просто реальным, но еще и отвратительно бодрым. Пружинисто переступал с ноги на ногу, клацая по асфальту кожаными подошвами модных туфель. Он вообще смотрелся правильно — модное короткое пальто, дорогая стрижка, лакированная не то папочка, не то барсетка в ухоженных пальцах...

— Хреново выглядишь, — радостно подытожил Микерин прежде, чем Никита успел что-то сказать. — В лице нихуя духовности нет!

— Была, да вся вышла... — угрюмо ответил Никита.

— Ясно! — Микерин бросил взгляд на огромные часы. — Слушай, я пока свободен, а тут одно место есть. Так, мидл-класс, конечно... Зато — совсем рядом! «Трактир» называется...

* * *

— Слушай, а с чего это вдруг Баклан только сейчас решил тебя в жопу выебать? Целых два года присматривался, что ли? — закуривая, спросил Микерин со светским безразличием.

Они уже съели по порциипельменей и выпили полтора графинчика водки, так что ничего удивительного в том, что мир как-то резко стал добрее и человечнее, не было. Никита уже знал, что обычно так и бывает.

— Да не Баклан, ты не понял. Это Шакальский, наш новый продюсер...